

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ), 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

21.10.2021 № 14106/57114-546

На № _____

УТВЕРЖДАЮ
Директор Института
востоковедения РАН

/д.и.н., А.К. Аликберов/
« 14 » октября 2021 г.

О Т З Ы В

ведущей организации на диссертационную работу
АЛБОГАЧИЕВОЙ

«Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI вв.)»

представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
5.6.4 – Этнология, Антропология и Этнография

Докторская диссертация Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой – фундаментальное исследование, раскрывающая роль ислама в формировании этносоциальной идентичности ингушей. Она закрывает важную лауну в исторической этнологии и социальной истории ислама в регионе. Из-за отсутствия в регионе академической школы и длительных советских гонений на религию в России и за рубежом нет фундированных обобщающих работ по этой проблематике на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Перед нами первое из таких столь необходимых исследований, выполненное на базе переосмысления колоссального числа устных и письменных, а также визуальных, видео- и виртуальных первоисточников, включая уникальные полевые материалы автора, собиравшиеся 16 лет.

Постановка проблемы диссертационного исследования на стыке социальной антропологии и истории не вызывает возражений. Автор обоснованно делает упор на локальные, региональные и общероссийские особенности исламизации ингушей в форме суфизма; последующей институционализации ислама в сетях государственных региональных муфтиятов, в постсоветское время распавшихся на этно-территориальные Духовные управления мусульман в границах субъектов РФ, связанных с ее титульными этносами, одно из которых с апреля 1993 г. действует в Ингушетии; предлагает оригинальное насыщенное описание (по К. Гирцу) меняющихся суфийских практик, тесно связанных с повседневными обрядами жизненного цикла. Верно отмечен синкретизм религиозных представлений и практик, объясняющийся длительным сосуществованием ислама, разных толков христианства и язычества на Центральном Кавказе XVIII–XIX вв., а также советской секуляризацией в XX в. Обоснованными представляются территориальные и хронологические рамки исследования, позволившие представить в работе весь период бытования ислама среди ингушей, объяснить причины многовековой исламизации региона и особенности возвращения ислама в публичную сферу, начиная с рубежа 1980-х и 1990-х гг.

Среди сильных сторон диссертации следует указать на исключительную фундированность ее положений и выводов. Они опираются на скрупулезный сравнительный анализ богатого полевого материала автора, часть из которого вводится в научный оборот, прекрасное знание Маккой Султан-Гиреевской архивных материалов и музейных коллекций в центрах РФ и в регионе. В работе детально прослежена более, чем двухсотлетняя история сбора сведений о религиозных верованиях и практиках ингушей и интерпретаций этого массового материала. Диссертант неплохо разбирается не только в кавказоведении, но и в современной общетеоретической литературе по антропологии религии и исламоведению, обоснованно и успешно применяет этнологические и междисциплинарные исследовательские методики от интервьюирования, включенного обследования до насыщенного описания Гир-

ца и междисциплинарных подходов сторонников правового плюрализма. К числу достоинств работы относится попытка поставить ингушский кейс исламизации и попыток огосударствления религии на Центральном Кавказе в более широкий исторический контекст конфессиональной политики Российской империи и форсированной советской модернизации.

Выносимые на защиту выводы комплексного исследования (кратко изложенные на с. 21–25 и более развернуто в Заключение) вполне обоснованы. Они логично вытекают из материалов, собранных, проанализированных и представленных в работе диссертантом. Вклад Албогачиевой в академическое исламо- и кавказоведение заключается в уточненной хронологии поздней исламизации этого народа и в целом горцев Центрального Кавказа, надежно датируемой диссертантом XVII – началом XX в., хотя и начавшейся в постмонгольскую эпоху. Этот процесс верно, хотя скорее имплицитно, чем эксплицитно, охарактеризован как явление *de la longue durée* (длительной продолжительности, по Ф. Броделю из французской школы «Анналов»). Новизна исследования также определяется насыщенным описанием зикра и других коллективных суфийских практик в формах, сложившихся в региональных ответвлениях братств кадирийя и накшбандийя-халидийя на Центральном Кавказе XIX–XX вв. Впервые дана общая характеристика местной агиографии и культа святых, основанного на почитании покойных суфиев, которые заменили для ингушей живых суфийских наставников, уничтоженных у вайнахов в ходе гонений на ислам. Наконец, детально охарактеризовано взаимодействие местных ‘адатов и универсальных шари‘атских практик, в том числе в деятельности постсоветского Муфтията (ныне Духовного центра мусульман Республики Ингушетия).

Структура диссертации логично продумана. Она состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Во введении к диссертации обоснована актуальность исследования, степень ее научной и практической значимости, определены хронологические и территориальные рамки работы, ее объект и предмет, цель и задачи, дана ха-

рактеристика различных групп источников и методологии исследования. Сформулированы выносимые на защиту положения, описывается апробация основных результатов исследования.

В первую главу «Традиционные религиозные верования и мировые религии у ингушей» вошел исторический очерк распространения ислама на Центральном Кавказе вплоть до начала ре-исламизации в «Перестройку». Его предваряет общая характеристика пантеона языческих божеств, связанных с ними верований и синкретической религиозной обрядности, наиболее подробная и выверенная в современной литературе. Кроме того, сюда включен очерк деятельности в регионе православных, католической и пресвитерианской миссий, реконструированной автором по архивным материалам. Верно отмечено переосмысление языческой мифологии, произошедшее у ингушей в результате обращения части из них в христианство, а затем в ислам.

Следующие две главы заключают в себе центральную часть исследования по исторической антропологии ислама у ингушей. Вторая глава «Социально-религиозная структура: тарикаты, вирды, религиозные практики» вводит читателей в сложный мир социальных сетей суфийских братств накшбандийа-халидийа и кадирийа среди вайнахов, а также связанных с ними повседневных религиозных практик паломничества (зийара) к почитаемым святыми помощниками могилам местных наставников обоих тарикатов, возле которых паломники проводят коллективные зикры и иные суфийские мистические практики. В третьей главе «Обрядовые практики и этносоциальные реликты в современном ингушском обществе» на основе богатого полевого материала автора охарактеризована роль ислама и других местных и мировых религиозных традиций в обрядах перехода и календарной обрядности ингушей. Особый интерес здесь представляют выявленные диссертантом перемены, происходящие ныне с исламом как традиционным средством социализации горцев, отмеченные ей новые постсоветские прочтения кровной мести и других местных обычаев-адатов, ре-исламизация общественного быта постсоветских поколений на Центральном Кавказе.

В центре внимания последней, четвертой главы диссертации – «Религиозные институты и их функции в современной Ингушетии» находится огосударствление ислама и других локальных религиозно-правовых «традиций», прежде всего горских 'адатов и соционормативных шариатских практик, не прекращающиеся в регионе с 1990-х гг. Здесь показано, как правительство Ингушетии (и соседних субъектов РФ в регионе) попытались упрочить правопорядок и легитимизировать свою власть, апеллируя к авторитетной этносоциальной религиозной традиции. По существу глава рассказывает о конструировании или изобретении национальных традиций (по Э. Хобсбауму), хотя диссертант не ссылается на него и прямо об этом не пишет.

Невозможно написать работу, не вызывающую ни у кого замечаний. Определенные претензии можно предъявить и к рецензируемой диссертации. Отметим сначала наиболее общие и важные из них. Больше внимания порой стоило бы уделить сходству и различиям между религиозными практиками ингушей (культ святых, суфизм, обычное право, мавлид и другие обряды) и их соседей-горцев в Чечне и особенно в Дагестане, по которому имеется богатая литература. Стоило бы более концептуализировать находки самого диссертанта, касающиеся общих явлений в регионе. Порой читателю не хватает критики историографии, которую диссертант прекрасно знает, но случается, чрезмерно уважает. Это касается, прежде всего, западных советологов времен «холодной войны», представленных на страницах диссертации работами главы их школы А. Беннигсена (с. 10, 72), чья бинарная схема «официального» и «параллельного» исламов, якобы противостоявших друг другу в СССР, давно отвергнута. Не стоило игнорировать влияния на религиозные верования и практики ингушей колониализма XIX в. Между тем диссертант тщательно избегает слова «колониальный». Ингушетия XXI в. несколько раз определяется как «традиционное общество» (С. 215, 266, 290), но из текста диссертации она предстает скорее как динамично меняющееся общество, пережившее к тому же советскую модернизацию.

Из менее существенных замечаний отметим сначала спорность некоторых общих, в первую очередь, исламоведческих понятий. Хорошо, что во Введении диссертант специально оговорена терминология исследования (С. 17–19). Однако сложно согласиться с тем, что, следуя за текстологами-исламоведами, Албогачиева закавычивает термин «святой» (С. 18), тем самым подвергая сомнению его адекватность для выражения религиозных верований мусульман Центрального Кавказа. Не говоря о том, что понятие «святости» в исламе есть (ал-кудс), оно соотносится с культом мусульманских святых (аулийа'), хотя «исламскость» оспаривается уже давно, в работе следовало исходить не из арабоязычных исламских текстов, но из мнения респондентов, на которых основано исследование. Следовало бы четче объяснить во Введении соотношение понятий «тарика(т)» и «вирд» (С. 5, 18) в суфизме, связав их как с духовной генеалогией (силсила) шейхов, так и с различиями мистических техник суфийского пути у разных наставников одного и того же тариката. Анахронично звучит термин «исламская цивилизация» (С. 11), восходящий к колониальной ориенталистике.

В первой главе в число многочисленных языческих «богов» ингушей (С. 30–42), вероятно, попали не только божества, но и анимизированные стихийные духи, в существование которых они продолжали верить и после обращения в ислам. Здесь диссертант отмечает (С. 30), но недостаточно концептуализирует анимизм и синкретичность религиозных верований ингушей и некритично воспроизводит этнографические описания XIX–XX вв., сделанные, когда респонденты в большинстве своем уже не были язычниками. В изложении длительной исламизации ингушей, реконструируемой во многом по данным записанных устных историй следовало бы учесть, что отдельные их нарративы и персонажи, прежде всего легендарный исламизатор Кавказа шейх Абу Муслим (С. 54–55) относятся подобно Владимиру Красное Солнышко и другим героям русских былин к области не истории, но обращенной в настоящее коллективной культурной памяти. Об этом имеются авторитетные исследования. В характеристике советских антирелигиозных гонений

хорошо было бы обратить больше внимания на язык антирелигиозной пропаганды и атеистических советских описаний, концептуализировать восходящее к Э. Тейлору понятие «религиозного пережитка», а не просто цитировать его из исследований советского времени (С. 43, 65, 71 и далее *passim*). Об этом опять же есть авторитетная современная литература. Основные для диссертации 2–4 главы в целом не вызывают нареканий.

Встречаются отдельные опечатки и неточности. В частности, имя известного дореволюционного российского исламоведа А.К. (Мирзы Мухаммада-‘Али) Казембека в современной орфографии не принято писать через «ы» (Казым-бек, с. 8). Этапы исламизации Северного Кавказа лучше давать не по компилятивной работе М.М. Магомедова, содержащей к тому же немало фактологических ошибок (С. 54), но по специальным более авторитетным исследованиям А.Р. Шихсаидова и А.К. Аликберова, учитывая при этом, что исламизация Центрального Кавказа шла не только из Дагестана раннего нового времени, но и из Османской империи и зависимых от нее политических образований Северо-Западного Кавказа и Крыма.

Все эти замечания не носят принципиального характера и не умаляют значения отмеченных выше достоинств диссертации. Для объемной работы на 434 страницах замечаний даже мало. Все квалификационные требования, предъявляемые к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, выполнены. Особо следует отметить, что работа подводит итоги многочисленных научных публикаций автора по ее тематике (77 статей и 2 монографии), изданных по материалам полевых исследований 2003–2018 гг. и признанных среди кавказоведов в России и за рубежом. Автореферат точно отражает содержание диссертационного исследования и соответствует всем необходимым требованиям. Диссертации М.С.-Г. Албогачиевой является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, представляет исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям пп.9-14 Положения о присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением

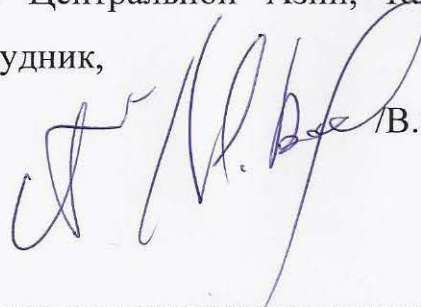

Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор безусловно заслуживает присуждения ей искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.4 – Этнология, Антропология и Этнография.

Отзыв составлен кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником, заведующим Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук, профессором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» В.О. Бобровниковым.

Диссертация М.С-Г. Албогачиевой «Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI вв.)» обсуждена на заседании Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук 14 октября 2021 г. (протокол № 14). Результаты обсуждения учтены при составлении настоящего отзыва.

Заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, ведущий научный сотрудник,
кандидат исторических наук

/В.О. Бобровников/

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской Академии наук
Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12.
Телефон: (495) 625-42-62
Веб-сайт: <https://www.ivran.ru>
E-mail: inf@ivran.ru

Подпись *Бобровникова В.О.*
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко *Д*
«14» октября 2021 г.

